

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Любители кино и театра, телезрители хорошо знают заслуженного артиста РСФСР Льва Константиновича Дурова, который работает в столичном театре на Малой Бронной. Он происходит из династии знаменитых русских артистов цирка — дрессировщиков и клоунов.

Те, кто знает Дурова по театральным спектаклям, наверняка будут утверждать, что он прямо-таки создан для сцены. Кино- и телезрители, наоборот, в один голос скажут, что Дуров — прирожденный киноактер. Правы обе стороны.

ПРАВО

НА ПРОФЕССИЮ

— Лев Константинович, можно с уверенностью сказать, что ваша жизнь в искусстве сложилась счастливо. Что, на ваш взгляд, сопутствовало этому?

— В искусстве нет обиженных. Вот вам яркий пример — Смоктуновский. Если вы прочтете его книгу воспоминаний, то увидите, как долго и трудно добивался он признания коллег и режиссеров. Но он не потерялся, работал, как проклятый, небольшие пустячные роли, которые ему сначала давали, отделил тщательно. Талант себя обязательно проявит — рано или поздно!

— Ну, а если все-таки поздно?

— Я не страдаю излишним оптимизмом, но снова повторю — загубленных талантов мало, если они вообще есть. Сейчас молодые актеры могут поторопиться свой час — самостоятельно подготовить спектакль, показать себя, доказать свое право на профессию. К сожалению, многие «обиженные» ходят и хнычут, теряя при этом последние остатки умения и способностей. Актер должен даже свою обиду использовать на дело — гореть желанием переломить неправильное мнение о себе.

— А лично у вас, признанного актера и режиссера, были когда-нибудь сомнения в правильности избранной профессии?

— В своей профессии я не сомневался никогда. Есть другое — бывает неуверенность в силах и возможностях. Со мной такое случается довольно часто, особенно когда очередная работа подходит к концу. Так было, скажем, перед выпуском спектакля «Женитьба». Режиссер Анатолий Васильевич Эфрос на одной из последних репетиций сказал мне: «Это будет твоя неудача». И я так думал. Но вот спектакль вышел, идет уже несколько лет, и все вокруг единодушно считают, что капитан Жевакин — одна из лучших моих ролей.

Вообще я полагаю, что в искусстве, да и в любой работе, сомнения необходимы. Никогда нельзя считать себя мастером, достигшим уже всего. Нужно

всегда быть немного «щенком» — даже если у тебя в активе есть регалии и звания. Всю жизнь любить учиться и уметь это делать.

— Кем бы мог стать Лев Дуров, не стань он актером?

— Теперь уже сложно об этом говорить. Но, как ни странно, думаю, что не очень бы и переживал. Пошел бы, как большинство друзей, на завод, и, наверное, из меня получился бы неплохой рабочий. Возможно, подался бы в сталевары... Я много раз бывал на сталелитейных предприятиях, меня всегда восхищали люди, плавящие металл.

А может быть, пошел бы и в строители. Это ведь тоже одна из самых благородных профессий. Иногда строителей ругают и, возможно, справедливо ругают. Но я всю жизнь испытывал к ним только чувство благодарности. Родился я в старом московском районе Лефортово, до 30 лет прожил со всей семьей, довольно большой, в одной комнате. Была эта комната узкая и тесная. Мои друзья прозвали ее танком. Так и говорили: «Пойдем к Дурову в танк!». Помню, когда женился, то мы втроем — с ребенком — жили за занавеской. Так что, получив отдельную квартиру, я думал, что попал во дворец.

— Приходилось ли вам играть строителей?

— Дважды в кино. В фильме «Последний день зимы» я играл бригадира строителей Николая Коротких. Кстати, это одна из моих любимых экранных ролей. Играл я также инженера Сидорова в картине «Ксения, любимая жена Федора», действие которой происходит на промышленной стройке. Хочу только заметить, что «играть строителей», играть профессию — это неправильно. В роли раскрывается не профессия человека, а его характер. Скажем, в роли инженера Сидорова я хотел показать человека, который не идет на сделки со своей совестью.

— Вы считаете, что профессия не накладывает отпечаток на характер человека?

— Я думаю несколько по-другому: через профессию человека можно понять его сущность. Через отношение к делу. Душевный человек обязательно вложит все сердце в свою работу. Когда-то, в 50-е годы, в Москве на проспекте Маркса (тогда он назывался Охотный ряд) стоял милиционер-регулировщик. Это был двухметрового роста усатый красавец. Он действовал своей милицейской палочкой, как цирковой маг, как дирижер. Со всех концов Москвы приезжали люди полюбоваться его работой.

Помню также водителя троллейбуса, который не просто объявлял остановки, а весело и интересно рассказывал, что и когда в Москве построено, а приезжим объяснял, где что находится.

Или еще пример: иду утром на работу, дворник приветливо здоровается со всеми жильцами, желает удачи на день. А ведь это не входит в его профессиональные обязанности. Зато это обязанность каждого человека — делать людям лучше, облегчать жизнь другим. Тогда и твоя жизнь становится хорошей — от сознания, что ты нужен, необходим, незаменим.

— В вашем репертуаре есть образы, условно говоря, положительные и отрицательные. Каким людям вам больше нравится изображать — плохим или хорошим?

— Скажу вам так: неважно, кого играть. Главное — во имя чего? Вот я играю Яго в спектакле «Отелло». Для чего нужен театр? Чтобы разбудить в человеке определенные эмоции и через них пробиться к разуму. Пусть в зале кто-то задумается, глядя на моего Яго: «А сам-то я не такой ли? А если такой, то с этим нужно немедленно кончать!». И наоборот: пусть зритель захочет походить на хорошего человека, которого я сыграю. Еще Маяковский сказал: важно, чтобы не по сцене ходили с идеями, а с идеями уходили из зала.

— Над чем вы работаете сейчас?

— Выходит на экран картина «Не бойся, я с тобой!». Играю в поставленном мной совместно с режиссером К. Худяковым спектакле «Весельчаки» по пьесе американского драматурга Н. Саймона. Репертуар, как видите, очень разнообразный, если учесть, что снимаюсь сейчас в картине «Сказка странствий», готовится к выпуску еще один фильм с моим участием — «Прощание» по повести В. Распутина «Прощание с Матерью».

В. ГРИБАНОВ.